УДК 130.2
10.69537/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2025.15.4.006

АКАДЕМИК ПЕТР ЗАХАРОВ-ЧЕЧЕНЕЦ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ И НАУЧНЫХ РАБОТАХ XIX-XXI ВЕКОВ

© Ибрагимов Канта Хамзатович (a, b)

(a) Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук
(b) Академия наук Чеченской Республики

Аннотация. В данной работе сделан анализ удивительного явления – почему ту или иную историческую личность, которая при жизни особо и не была отмечена, со временем, даже через века, становится все более и более известной, популярной, востребованной. Указанный феномен мы попытались изучить на примере судьбы Академика живописи Петра Захаровича Захарова-Чеченца из Дада-Юрта.

Захаров-Чеченец (1816-1846) – человек необычной судьбы. В 1819 году после разгрома генералом А.П. Ермоловым чеченского села Дада-Юрт еще грудным ребенком он был пленен, а в 1843 году за портрет того же генерала Ермолова Захаров-Чеченец получает звание Академика. Он прожил недолгую жизнь, и больших работ у него не так уж и много, но даже через два века интерес к нему не ослабевает, ибо Захаров – его судьба, его позиция, его живопись – это образец для подражания.

Приводятся архивные документы, свидетельствующие о нелегком пути становления великого гения. Через лишения, через вопиющую несправедливость многих людей по отношению к себе, этот человек не только выстоял, но и за такую короткую жизнь смог увековечить своё имя и не только: он стал первым Академиком чеченского народа.

Ключевые слова: Петр Захаров, чеченец, живопись, художник, Кавказ, Дада-Юрт, Ермолов

ACADEMICIAN PYOTR ZAKHAROV THE CHECHEN IN WRITTEN SOURCES AND SCIENTIFIC WORKS OF THE XIX-XXI CENTURIES

© Ibragimov Kanta Khamzatovich (a, b)

(a) Kh.I. Ibragimov Complex Research Institute of the Russian Academy of Sciences
(b**)** Academy of Sciences of the Chechen Republic

Abstract. This work analysis an amazing phenomenon: why a historical figure who was not particularly noted during their lifetime becomes more and more famous, popular, and in demand over time, even centuries later. We have attempted to study this phenomenon using the example of the life of Pyotr Zakharovich Zacharov the Chechen, an academician of painting from Dada-Yurt..

Zacharov the Chechen (1816-1846) was a man of an unusual fate. In 1819, after General A.P. Yermolov's defeat of the Chechen village of Dada-Yurt, Zacharov the Chechen was captured as a baby, and in 1843, he received the title of Academician for his portrait of General Yermolov. He lived a short life, and he didn't have many major works, but even two centuries later, people still pay attention to him because Zakharov is his destiny, his position, and his art is a role model.

Archival documents are presented that testify to the difficult path of this great genius's development. Despite hardships and the blatant injustice of many, this man not only persevered, but in such a short life, he was able to immortalize his name and more: he became the first Academician of the Chechen people.

Key words: Pyotr Zakharov, Chechen, art, artist, Caucasus, Dada-Yurt, Yermolov.

Есть всемирно известные, великие художники, шедевры которых украшают многие музеи мира, однако абсолютное большинство имен этих мастеров кисти со временем забываются или вовсе не упоминаются, хотя их полотна занимают целые залы крупных картинных галерей. А есть художники, у которых и работ не так уж много, и прожили, в целом, не долго, и не было у них наследников и влиятельных друзей, поклонников и знакомых и, тем не менее, со временем этих творцов вспоминают все чаще и чаще, а их труды вызывают все больший интерес, приобретают значимость, актуальность, их имена увековечиваются в объектах культуры, образования, науки; им посвящаются все новые и новые научные труды, они становятся прообразами поэм и сказаний, с них берут пример, ими восхищаются.

От чего происходит этот феномен? Почему автор, которого практически при жизни не признавали и не ценили, неожиданно, даже через века становится востребованным, оживает?

Ответы на эти вопросы постараюсь дать на примере судьбы художника Петра Захарова-Чеченца. Понятно, что в небольшой научной статье невозможно указать все первоисточники, это уже сделано в фундаментальном научном труде автора данной публикации «Академик Петр Захаров», а вот акцентировать внимание на знаковых из них – наша цель.

На Ваганьковском кладбище в Москве есть надгробный камень с надписью «Петр Захарович Захаров – 1816-1846». Петр Захаров – не настоящее имя художника: так его нарекли в плену. А настоящее, то, которое дали мальчику родители или старейшины тайпа, осталось тайной вечности, так как все его близкие погибли. Сам Захаров своего имени помнить не мог: был еще очень мал. И возраст его, когда пленили в сентябре 1819 года, определили, как говорится, на глазок: «Вроде годика три».

Таким образом и установили год рождения Петра Захарова – 1816. Однако мне кажется, что данная дата не совсем верна, и это сомнение основывается на следующем.

Так, в письме Н.А. Самойлову, написанном в 1825 г., П.Н. Ермолов сообщает, что хочет своих воспитанников Павла и Петра Захаровых определить в Академию художеств и

отмечает, что им по 10 или 11 лет.[2] А в письме Н.В. Шимановскому, написанному П.Н. Ермоловым уже в 1830 г., он ходатайствует за одного – «Петрушу-чеченца» и сообщает, что «ему уже 14-й год».[3] И тогда получается, что год рождения Захарова – 1816.

Вместе с тем есть сугубо официальный документ – это Свидетельство на жительство, выданное Московской Губернской жандармерией, где, как представляется, все должно быть более достоверно и реалистичнее. И вот в этом Свидетельстве, выданном 11апреля 1833 г., возраст П. Захарова определен так: «…имеющему от роду 15-ть Лет».[4] Согласно этому официальному документу год рождения П. Захарова получается не 1816, а 1818.

Истина, как всегда, наверное, посередине, и в подтверждение этого еще один факт.

После разгрома селения Дада-Юрт из него был вывезен еще один мальчик, ставший впоследствии поэтом – Акбулат Розен, год рождения которого 1817. Значит, Акбулату Розену «на глазок» было два года, когда он попал в воспитанники, но он знал, помнил и сохранил свое родное имя – Акбулат. Тем не менее, в дальнейшем в своих произведениях он ни разу не упомянул ни Дада-Юрт, ни Чечню… Думается, что П. Захаров, знай он свое родное имя, увековечил бы его так же, как и Дада-Юрт, «Чеченецъ», но он не мог помнить его в силу своего возраста.

Итак, Петр Захаров родился в 1816 году в селении Дада-Юрт. В это время на Кавказе, именно в Чечне, шла захватническая война царской России под командованием А.П. Ермолова. По приказу А.П. Ермолова 15 сентября 1819 года селение Дада-Юрт, которое находилось на правом берегу реки Терек, было атаковано (6 рот пехоты, 700 казаков и 4 орудия) и «начался отчаянный кровопролитный бой, какого русским войскам еще не случалось испытывать на Кавказе» [1].

После этого сражения генерал А.П. Ермолов напишет: «Это был первый пример, что войска наши застали неприятеля в такой беспечности, что его жены, дети и имущество находились на месте: но зато никогда чеченцы не являлись так ожесточенными … Во время сражений женщины дрались отчаянно, бросались с кинжалами на солдат и умирали на штыках».[5]

15 сентября 1819 года Дада-Юрт пал. Солдаты в организованном порядке вывезли скот, добро и все, что могли и хотели. Это подтверждено свидетельствами и документами. После этого, а именно 18 сентября, казаки из станиц на левом берегу переправились через Терек, чтобы тоже чем-нибудь поживиться в истерзанном соседнем ауле» [2, с. 75]. Один из казаков услышал в стороне от села жалобный плач ребенка; в густом прибрежном кустарнике он обнаружил израненное тело женщины, в одной руке кинжал, другой окровавленного ребенка к себе прижимает.

В своих воспоминаниях племянница А.П. Ермолова Екатерина Петровна Ермолова так и напишет: «Израненный грудной ребенок найденный у умирающей женщины».[6]

---

[2] Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф.93. Оп.1. Д.244. Л.28.

[3] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1406 (Ермоловы). Оп. 1. Д. 627. Л.6-7.

[4] РГАДА. Ф. 1406 (Ермоловы). Оп. 1. Д. 627. Л.31

[5] РГАДА. Ф. 1406 (Ермоловы). Оп. 1. Д. 627. Л.31а

[6] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф.23. П.18. Ед. хр. 20.

После этого плененный и раненный ребенок попадает в крепость Грозная, и с 1819 по 1822 год он будет жить в доме А.П. Ермолова.

В литературном музее имени Пушкина сохранился вид «Домик А.П. Ермолова в крепости Грозная». Эту акварель музею подарила Мария Николаевна Ермолова, которая получила ее в наследство от своего отца Петра Николаевича Ермолова – воспитателя Петра Захарова.

Петр Николаевич Ермолов (1787-1844) – тоже генерал, двоюродный брат Алексея Петровича Ермолова. Как известно, П.Н. Ермолов был коллекционером картин и в его коллекции было много работ Петра Захарова, и вполне возможно, что домик А.П. Ермолова по памяти написал сам Петр Захаров. В процессе исследования жизни и творчества художника было обнаружено еще одно изображение домика А.П. Ермолова в крепости Грозной. Эта работа хранится в музее Дадиани в городе Зугдиди (Грузия), ее автор – Фредерик Фриш.

Кстати, этот домик в отреставрированном виде, но без какого-либо афиширования, существовал в Грозном вплоть до 1995 года, до Первой войны.

Осенью 1822 года, когда А.П. Ермолов на зимний период перебирался в Тифлис, мальчик Петр Захаров был вывезен туда же. И вот первый официальный документ, где упоминаются Петр и Павел Захаровы – это «Свидетельство № 3610 от 25 августа 1823 года, выписанное в г. Тифлис.[7]

В этом документе, в частности, сказано: «Дано сие генералу Ермолову в том, что при истреблении прошлого 1819 года сентября 15-го дня селения Дадай-Юрт и 3 марта 1922 года в Кабдаре деревни Кахети взяты в плен два мальчика, наименованные при крещении первый из чеченцев Петр, а последний из лезгин Павел Захаровы, отданы мною (А.П. Ермолов) генерал-майору (П.И. Ермолову) на воспитание…»

Хотя это и не по заявленной теме данной статьи, однако, пользуясь случаем, считаю необходимым предоставить еще один уникальный документ, почему-то не введенный в научный оборот. Это тоже «Свидетельство» на воспитание, тоже выписано в Тифлисе, только в 1827 году и уже на имя Алексея Петровича Ермолова, которое здесь воспроизводим полностью:

«Свидетельство

Дано сие от Штаба Кавказского Отдельного Корпуса, Господину Генералу от Инфантерии и Кавалеру Алексею Петровичу Ермолову в том что из числа пленных Нагайцев, выведенных из-за Кубани в 1824 году, бывшим Начальником сего Штаба, Генерал-Майором Вельяминовым 3. отданы на воспитание Его Превосходительству, мальчики родные братья Таштамир и Алтимир Тустовы, при крещении названные: первый имеющий 11 Петром и второй 10 лет от роду Павлом Сергеевыми сыновьями по прозванию Масловыми, коих на основании Высочайших указов 1741 года Октября 6, и 1808 Май 23 дня, следует держать у себя до двадцати пяти летнего возраста, а по достижении оного предоставляется Масловым избрать род жизни. Если же прежде означенного возраста Мальчики те потребуются навыменъ, то Его

[7] РГАДА. Ф. 1406 (Ермоловы). Оп. 1. Д. 182. Л.1. (Подпись-автограф).

Высокопревосходительство обязан представить немедленно – Г. Тифлис, Апреля 23 дня 1827 года.

Исполняющий должность начальника корпусного штаба Генералъ-лейтенант (подпись, гербовая печать штаба отдельного Кавказского корпуса)».[8]

Комментарии к этому весьма и весьма интересному документу даны в научном издании «Академик Петр Захаров», а здесь поясним, что указ 1741 года – это Указ императрицы Елизаветы Петровны «О жидах», а 1808 года – Указ императора Александра I «О кыргызах». Упомянутые в «Свидетельстве» мальчики Тустовы ни к первому и ни ко второму указу, вроде бы, не имеют отношения по национальному признаку – они ногайцы, но дело здесь вовсе не в национальности, а в том, что как сказал великий русский баснописец Крылов: «У сильного всегда бессильный виноват». Впрочем, последнее – это вовсе не научный подход, просто писателя тянет в свою стихию, и поэтому, даже в чисто в гуманитарных целях я пытался узнать судьбу Петра и Павла Масловых, а точнее пленных детей-ногайцев – Таштамира и Алтимира Тустовых, тем более, что А.П. Ермолов в истории России – популярная личность, но не обнаружил ничего. Очевидно, что им было предписано то же самое, что и Павлу Захарову: кончил солдатом в Грозном.

Эта же участь, скорее всего, ожидала и Петра Захарова, но судьба наградила его особым даром, который еще в раннем возрасте приметил его воспитатель П.Н. Ермолов и вот что он пишет: «…Странный мальчик Петруша! Я о моем чеченце. Кроме обучения грамоте, он рисует все, что попадается под руку. Видимо, будет художник и не плохой».[9]

Это письмо датируется 1828 годом, написано в Москве, а до этого, выехав в 1823 году из Тифлиса, Петр и Павел Захаровы некоторое время жили в Орловской губернии у матери и незамужней сестры П.Н. Ермолова, а когда последний в 1825 году женился и переехал в Москву – туда же переехали и дети-воспитанники.

Между мальчиками Захаровыми и родными П.Н. Ермолова возникли очень теплые отношения, и сестра Варвара пишет брату в Москву: «Письма детей меня очень утешили, в такое короткое время, видно хороший учитель попался на их счастье, а что Паша лучше я совсем не удивляюсь, он и всегда был старательнее, а Петруша упрям очень».[10]

Это упрямство и дар художника обеспечат Захарову вечность. Вместе с тем, необходимо в обязательном порядке отметить роль воспитателя Петра Николаевича Ермолова, который писал письма самому ректору Академии художеств Санкт-Петербурга, использовал все свои связи, и даже нанимал опытных художников для обучения Петруши живописи и поступления в Академию художеств, что произошло в 1833 году. И вот в дневнике П.Н. Ермолова появляются записи:

«10 февраля. Пятница. 1833. Поутру получил приятное известие из Петербурга, есть надежда, что мой Петруша Чеченец может быть принят в Академию.

(Л.6)

14 февраля. В Губерн(нском) Правл(ении). Подал просьбу о выдаче Петруше Чеченцу 16 руб. 65 к.

(Л.6. об.).

[8] РГАДА. Ф. 1406 (Ермоловы). Оп. 1. Д. 286. Л.1.
[9] РГАДА. Ф. 1406 (Ермоловы). Оп. 1. Д. 746. Л.1.
[10] ОПИ ГИМ. Ф.93. Оп.1. Д.244. Л.31-31 об.

20 февраля. Понедельник. Федору за фрак Петруше 29 руб.

15 марта. Нанял дилижанс отправил Петрушу в П. – 75 руб. Дал на руки 150 руб.

27 марта. Слава Богу, есть известие, что Петруша прибыл в Питер благополучно, и надежда, что он будет помещен в (Академию)».[11]

В жизни юного Петруши наступил переломный момент – он в Петербурге, один, то есть вышел на самостоятельный жизненный путь, и главное на этом пути – творчество. Отныне его судьба в его руках – это в прямом и переносном смысле. Отныне он сам будет писать свою жизнь. Как он это сделает? Какие краски будут в его душе, в его палитре? Будет ли это актуально, вечно, качественно, востребовано? Все это в его руках. Кажется, что в его руках, ведь жизнь сложна, а у Петруши сложна изначально…

Что его ждет в Петербурге?

Как ранее сообщалось, П.Н. Ермолов обращался в Московское Губернское Правление для получения «Свидетельства», устанавливающего личность Петра Захарова, это аналог современного «Свидетельства о рождении».

Этот уникальный документ был обнаружен в Российском Государственном историческом архиве, и там же хранится еще один, даже более значимый документ, так называемый «Билет», который указывает, что «он Захаров может свободно жить в Санкт-Петербурге, не избирая нового рода жизни, как посторонний ученик Академии».

«Выдано 11 апреля 1833

Свидетельство.

По Указу Его Императорского Величества и определению Московского Губернского Правления, состоявшемуся 22-го февраля сего года, последовавшему по Прошению Генерала майора и Кавалера Петра Николаева Ермолова дано сие воспитаннику его из Чеченцовъ наименованному при Крещении Петру Захарову на избрание Рода жизни в законный срок – имеющему от роду 15-ть Лет. - Февраля 23 дня 1833го Года»

Советник <подп. нрзб.>

Сего Свидетельства

Московского Губернского Нач. <подп. нрзб.>» Правления Печать

Стола Начальник <подп. нрзб.>

<+ на обороте – подпись, дата>» [2, с. 115].

Билет

«Воспитаннику Г-н Генерал Майора и Кавалера Петра Николаева Ермолова из Чеченцев, Петру Захарову дан сей Билет от Императорской Академии Художеств, в том, что на основании Высочайше утвержденного в 19-й день Декабря 1830 года Прибавления к установленным сей Академии разделения /§.12. под литерами д. и е. дозволяется ему, в качестве постороннего учения Ея, беспрепятственно обучаться в оной рисовальному искусству, и что срок для избрания <печать закрывает слово> нового рода, жизни законами <?> установленный, со времени учения его в Академии, по усмотрению Ея, может быть продолжен до шести лет, или доколе он будет удостоен

[11] ОПИ ГИМ. Ф.93. Оп.1. Д.244. Л.10.

возведения его в звание Художника. В следствие чего <Л.23. об> по силе вышеозначенного 12 §. Высочайше Утвержденного Прибавления к установлениям Академия Художеств, он Захаров может свободно жить в С. Петербурге, не избирая нового рода жизни, как посторонний ученик Академии. Во уверение чего и дан Ему Захарову сей Билет из Императорской Академии Художеств с приложением меньшей печати Ея С. Петербург 1833 года Апреля 11го дня.

Конференцъ – Секретарь Григорович.

Правящий должность производителя дел <фамилия нрзб.>».[12]

По этим документам видно, что Захаров не только поступил в Академию Художеств, но и получил иной статус, где промелькнуло слово «свободно», однако, это – кажущееся облегчение, ибо в «Билете» есть еще одно определение – «посторонний ученик».

«Посторонний ученик» – это иноземец, это отпрыск не благородного сословия; это значит, что у него не будет императорской стипендии, он не будет обеспечен за счет государства жильем, питанием, обмундированием, средствами для рисования. Он не будет допущен до некоторых курсов лекций и практических занятий, а там, где будет допущен, должен сидеть на полу, а не за партой.

Кстати, в одной группе с Захаровым, только в качестве привилегированного ученика, о котором заботился лично император Николай I, учился Иван Айвазовский. И еще один соученик итальянец Михаил Скотти оставит след в живописном искусстве.

А чтобы знать значимость Академии, надо отметить следующие факты: набор шел только раз в три года, и было определено всего 25 мест, в том числе и для «посторонних». Как видим, конкурс был значительный и воспитатель Захарова П.Н. Ермолов, как ранее отмечалось, сыграл значимую роль в его поступлении, но здесь следует отметить две стороны медали. С одной стороны, сам Захаров не остался в долгу за услуги Петра Николаевича: сегодня великолепные портреты самого П.Н. Ермолова, его супруги и их детей украшают лучшие музеи мира: Государственный Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея. С другой стороны, если бы не упорство, трудолюбие и талант самого Петра, его бы никогда не приняли в Академию.

Юноша Петр Захаров, судя по автопортрету и портрету однокурсника Михаила Скотти, был очень симпатичным молодым человеком. Он живет один в большом европейском городе, где много соблазнов, но, как явствуют документы, Захаров всегда прилежно посещает занятия, более того, он обращается к ректору, чтобы ему было позволено посещать дополнительные лекции по химии, биологии и экономике. Поэтому о нем всегда будут лишь превосходные отзывы. И для примера обратимся к письму младшего брата П.Н. Ермолова – Сергея Николаевича, который в конце 1833 года посетил Петербург и по поручению старшего брата проведал Петра Захарова.

«О платье Петруше Чеченцу тако же долго и ничего не мог от него добиться, два раза он был у меня, говорил, что нуждается в нем, но что ему нужно никак по сие время не знаю, ибо двое суток почти стою я жить в Петербурге, но он не являлся, а потом Нева я полагаю

[12] Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 2789. Оп. 1, часть 2. Ед. хр. 1643 «О выдаче посторонним ученикам Академии на жительство билетов». 7 января 1833 – 19 января 1834. 97 лл. Л.23.

ему препятствовала, ибо не знаю ещо и теперь сообщение, лед мешает ему, но в ету поездку все сделаю».[13]

Далее:

«О Петруше чеч. Петр Андреевич (Кикин) говорил мне, что он очень им доволен и сделает много для него, об етом напишите и Вы от себя Петруше, ето его и обрадует и поощрит, хотя и без того прекрасно он себя ведет во всех отношениях и часто бывает у Петра Андреевича.[14]

И пару месяцев спустя:

«У Кикина недавно с Талызиным обедал, сегодня опять у него буду. Поручения Ваши исполнил, Петрушу Ч. одел, сшил ему сюртук, панталоны и жилет, ибо фрак у него есть, и вчера он уже был у меня в новой амуниции, со всем с работою стоит все 112 рублей. Шил русский портной, ето дешевле и сделал очень хорошо. С Талызина денег никак не могу получить, оне у него, он справлялся сколько, от него не скоро возьмешь (тут же расчеты на шитье одежды для Петруши. – Примеч. авт.)».[15]

И как бы итог этой переписки:

«Прилагаю письмо Петруши, он несколько раз был у меня, славный мальчик, очень славный».[16]

Как видим, Захарову дана отличная характеристика. Помимо прочего, в письме Сергея Николаевича Ермолова упоминается Петр Андреевич, который тоже «очень доволен Петрушей и сделает много для него».

Петр Андреевич Кикин (1775-1834) – учредитель и первый председатель Общества поощрения художников России. Кикин П.А. – военный и государственный деятель. Особая одаренность позволяет ему выявлять дар у молодых художников, которых он брал под свое покровительство. Так появились такие выдающиеся художники как братья Чернецовы и Брюлловы, как Венецианов и Александр Иванов.

И в Петре Захарове Кикин определил этот необыкновенный дар искусства, и он помог ему поступить в Академию художеств и помогает в дальнейшем. Однако в мае 1838 года в 58-летнем возрасте Кикин скоропостижно скончался, и после этого в письмах к П.Н. Ермолову Захаров не раз с большим сожалением будет вспоминать его: «Только одно меня огорчает, что я лишен благодетельного Человека Петра Андреевича…».[17]

Это предложение из письма Петра Захарова своему воспитателю П.Н. Ермолову. Оно датировано июнем 1834 года и после этого, в том же году, будут еще два письма, последнее – в октябре, а затем между Петром Захаровым и П.Н. Ермоловым возникнут очень натянутые отношения, и ровно полтора года он не будет писать Ермолову.

Причину обострения отношений подробно приведены в труде «Академик Петр Захаров», и если Захаров отказался от переписки и контактов со своим воспитателем, то сам П.Н. Ермолов не выпускал Захарова из поля зрения: он не мог себе это позволить по действующим порядкам – все было очень строго и под жестким контролем.

И вот за этот период найдено было прелюбопытнейшее письмо, датированное февралем 1835 года:

[13] ОПИ ГИМ. Ф.93. Оп.1. Л.46-47 об.
[14] ОПИ ГИМ. Ф.93. Оп.1. Л.48-49 об. СПб. 11 декабря 1833 г.
[15] ОПИ ГИМ. Ф.93. Оп.1. Л.5-6 об. СПб. 4 февраля 1834 г.
[16] ОПИ ГИМ. Ф.93. Оп.1. Д.244. Л.37 об.
[17] ОПИ ГИМ. Ф.93. Оп.1. Д.244. Ед. хр. 258. Л.14.

«Письмо В.В. Шеншина *П.Н. Ермолову.

Получено 22 февраля 1835 г** С-Петербург, 15 февраля 1835 год

Я уверен, любезнейший дяденька, что Вы не посетуете на меня за стол долгое молчание. Занятия по службе и другие обстоятельства лишали меня досель удовольствия писать к Вам. Не думайте, впрочем, что лень или забвение были тому причиною. Извините также, что я замедлил известить Вас о Петруше; он, кажется, ведет себя хорошо и довольно часто у меня бывает. Касательно предложенного ему места в Китае нет ничего выгоднее и лутче для молодого человека без состояния и протекции. Он в продолжении пяти лет занимался бы китайским языком, продолжая по прежнему упражняться в живописи, и потом бы отправился в Китай с чином 14 класса, считаясь в действительной службе и получая 2000 руб. жалованья, кои по 10-летнем пребывании в Пекине обращаются ему в пожизненный пансион. Петруша же привыкши жить независимо и вероятно испугавшись отдаленности и не желая пристально заняться столь трудным предметом, решительно отказался. Я употребил все свое красноречие, чтобы его уговорить, но он остался непоколебим, и все мои увещания были бесполезны. Теперь помочь сему делу невозможно, ибо другой назначен на его место.

Вручитель сего письма Черкес, приятель Петруши, он неотступно меня просил, чтобы я Вам его рекомендовал, хотя и сам почти незнаком с ним. Зная Ваши пристрастия с тому краю, я осмелюсь это делать…».[18]

(В верхней части листа – карандашная помета Екатерины Петровны Ермоловой: «От Вас. Влад. Шеншина о Петруше»;** Помета П.Н. Ермолова; ***Часть письма оторвана, подпись отсутствует).*

Интересная и многогранная информация в этом письме, которую в рамках данной статьи я тоже не могу комментировать, но для анализа приведу выдержку из письма гениального художника Александра Иванова, которую он написал своему отцу – профессору Академии художеств Андрею Иванову, навсегда уехав в Италию: «Вспоминайте то время, когда хотели отправить меня в ссылку в Китай на двенадцать лет… Как было тяжело» [3].

Если бы Александр Иванов не убежал в Италию, а поехал за свои свободолюбивые мысли в ссылку в Китай, то имела ли Россия такой гигантский шедевр как «Явление Христа народу»?

В учебный период и после него в различных первоисточниках имя Петра Захарова упоминается довольно часто, и цитировать их все в данной статье невозможно, и, тем не менее, на значимые документы эпохи необходимо обратить внимание. В этом ряду особое место занимает картина Григория Чернецова «Парад на Царицыном лугу» (Государственный Русский музей, Санкт-Петербург). Эта картина писалась по заказу императора Николая I и на ней должны были быть запечатлены выдающиеся люди той эпохи, и всех их художник писал с натуры. На этом полотне Пушкин, Крылов, Кукольник, Гнедич, Жуковский. Там же братья Брюлловы. На полотне группа профессоров и академиков Академии художеств: ректор Оленин, Шебуев, Толстой, Бруни, Варнек, и как самый лучший студент – Петр Захаров под порядковым номером 221, у Пушкина, к

[18] ОПИ ГИМ. Ф.93. Оп.1. Ед. хр. 262. Л.5-5 об.

примеру, номер 167. И надо отметить, что список лиц на этом историческом полотне-документе утверждал лично император Николай I.

Итог обучения в Академии художеств определялся на Главной выставке выпускников. Сам император посетил выставку 1836 года, где Захаров выставил семь работ, и завоевал серебряную медаль с невероятной для этого времени характеристикой «За экспрессию».

Конечно, Захаров мечтал о получении золотой медали и тогда он мог бы получить путевку на продолжение учебы в Италии. Однако судьбу медалей решал лично император и, к тому же, по уставу Академии «посторонний» воспитанник, да еще и из чеченцев, рассчитывать на золотую медаль не мог, но Захаров, вопреки всему, будет до конца бороться за возможность выехать в Европу, правда у него это не получится. Зато он добьется главного в своей судьбе – он получит особый Аттестат:

«Аттестат.

Из Императорской Академии Художеств Постороннему Ученику Ея, воспитаннику Генерал-майора и Кавалера Петра Николаевича Ермолова, Петру Захарову, из Чеченцовъ, в том, что он, во внимание к хорошим успехам его в живописном Художестве доказанным удостоением его к получению второй серебряной медали, на основании Высочайше утвержденного в 19й день Декабря 1830 года прибавления к установлениям Академии художеств разделения 1. § 10. Журналом Совета оной от 10 Августа 1836 года возведен в звание Свободного /:неклассного:/ Художника, с правом, по силе Всемилостивейше дарованной сей Академии Привилегии, пользоваться с его потомством, вечною и совершенною свободою и вольностью, и вступить в службу, в какую сам, яко свободный Художник, пожелает. Во утверждение чего и дан ему Захарову от Императорской Академии Художеств сей Аттестат, с приложением меньшей печати Ея. С. Петербург 1837 года Февраль 9 дня.

Президент Оленин».[19]

Значимость этого документа трудно переоценить: отныне Петр Захаров не чей-то воспитанник, а «Свободный Художник», и он, и его потомство будут пользоваться «вечною и совершенною свободою и вольностью».

Разумеется, что не всем в окружении Захарова понравится такой статус, лучше бы солдатом обратно в Грозный как его собрат Павел Захаров. Однако, природный дар и упорный труд наградили Петрушу свободой, хотя, конечно же, в царской России эта свобода была весьма и весьма относительной.

Тем не менее, в среде петербургских художников всегда были вольнодумцы – свободные художники, а конкретно в тот период, в 30-ые годы XIX века, одним из таких, безусловно, был Карл Брюллов, который, помимо прочего, отказался писать портрет Николая I, за что сурово поплатился.

И вот в этом кругу, в кругу Карла Брюллова, пребывал и молодой художник Петр Захаров, и по свидетельству дочери П.Н. Ермолова Екатерины Ермоловой

[19] РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ед. хр. 2097. Л.19.

«непревзойденный в русской живописи Карл Брюллов заслуженно считал П. Захарова лучшим после себя портретистом». [20]

К сожалению, Петр Захаров не вел дневник, но сохранился дневник его сокурсника Аполлона Мокрицкого, ученика того же Карла Брюллова, и в нем написано: «… Праздниками, по случаю прохождению льду, я не был на той стороне. Сидя на острове, я бывал часто у Венециановых. В день рождения Александры Алексеевны, вечером, был там и Брюллов. Превесело мы провели время. Карл Павлович (Брюллов) милым обращением своим и любезностью оживлял нашу компанию. Катенька (Ставассер) пела для него романсы, Леночка отличалась игрою на фортепьяно, потом протанцевали мы кадриль, вальс, мазурку и утомившись до нельзя в 12 часов разошлись по домам. В день именин был я опять. Брюллов, хоть и дал слово прийти, но пошел к Мельниковым. Там застал я Орлова, Захарова, Вишневецкого и Тыранова, мистера{а} Менцова и Черлицкого. Долго просидели мы, забавляясь всячески,….не хотел уходить, так была приятна наша беседа за чайным столом» [4, с. 122-123].

В комментариях к «Дневнику Мокрицкого», кстати, особо отмечено, что автор имеет в виду именно Захарова-Чеченца. В том же дневнике Захаров упомянут еще раз, но особо интересен момент, когда в мастерскую приходят В.А. Жуковский и А.А. Краевский и Брюллов одному из своих учеников предлагает на спор написать портреты гостей – кто напишет быстрее и лучше?

Здесь Мокрицкий конкретно не указывает фамилию ученика, однако общеизвестен портрет А.А. Краевского кисти Захарова и в исследовании «Академик Петр Захаров» я обоснованно доказал, что под «учеником Брюллова» он имел в виду не кого-нибудь, а именно Петра Захарова.

В тот период, после окончания Академия художеств, Захаров, как художник-портретист, пользуется большой популярностью в Петербурге. Подтверждением тому служит воспоминание очень известного в то время духовного писателя А.Н. Муравьева: «В 1838 году мне пришло на мысль написать портрет для моего родителя, жившего в Москве, уже в болезненном положении, так как он давно желал его иметь. Мне порекомендовали одного весьма искусного художника, академика Захарова, кроме своего таланта замечательно тем, что он был родом черкес, ребенком захваченный в плен в одном разоренном ауле Кавказа, и сделался художником по своему особенному расположению к живописи. Это уже и само по себе оригинально… Очень долго писался мой портрет, потому что живописец жил на противоположном острове Петровском, с которым не было еще иного сообщения как лодкой, а Захаров не мог часто меня посещать и притом хотел тщательно написать портрет…Я был в бархатном архалуке и в золотой цепи, как рисовал меня художник…» [5, с. 56].

Раз уж речь зашла о писателе А.Н. Муравьеве, то следует заметить, что он до некоторых пор был близким другом М.Ю. Лермонтова и интересен тот факт, что в тот период, когда Захаров писал портрет Муравьева, и Лермонтов написал портрет того же Муравьева (ИРЛ РАН, Пушкинский зал), и как отмечал известный лермонтовед Н. Пахомов – это единственная работа Лермонтова, сделанная с натуры и маслом….Лермонтов маслом

[20] Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 23. Оп.18. Ед. хр. 20. (Письмо Е.П. Ермоловой к С.А. Белокурову).

не писал, пример тому «Сражение при Валерике» и другие совместные работы с Гагариным, где Лермонтов делал карандашные наброски, а Гагарин дорабатывал красками. Думается, что и портрет Муравьева дорабатывал маслом более искусный художник, возможно, и П. Захаров. И, как известно, в то время в лермонтовском кругу (к примеру, клуб Трубецких) всегда любили рисовать на спор.

Парадный портрет писателя А.Н. Муравьева находится в Эрмитаже, а еще были обнаружены два акварельных портрета того же Муравьева: в музее Лермонтова в Пятигорске, написанный в 1840 году, и в Государственном Историческом музее (ГИМ, г. Москва), который датируется 1840 годом.

Не всем, далеко не всем нравилось, что Захаров-Чеченец пользуется такой популярностью в Санкт-Петербурге и подтверждение тому письмо, найденное в фонде Ермолова, где упоминается Захаров: «Ваша бывшая собственность – Петр Захаров ныне проживает на дачах среди богатых персон и пьет козье молоко» [2, с. 255].

Адресат данной корреспонденции не известен, подпись неразборчивая, зато есть дата – май 1840 года».

Примерно в то же время, за месяц, в середине апреля того же 1840 года, Петр Захаров пишет П.Н. Ермолову очередное письмо с шокирующим откровением:

«получ[ено] 17 апреля 1840*

Христос Воскресе!

Ваша Превосходительство, Добрейшие мои Благодетели Петр Николаевич и Анна Григорьевна. Щисливейшим считаю себя из смертных, что могу если не разделить сей торжественный праздник с Вами, Добрые мои Благодетели, то пожелать Вам, равно и Вашему семейству как встретить, так и проводить праздник в полном удовольствии и в добром здаровьи.

а что касаится до моего приезда в Пет то скажу Вам, что приехал благополу но только что успел развесть письма так привезалса несносный кашель вот уже две недели и не думаит оставить; делать нечего, как покорной судьбе нада повиноваться его светой воле сидеть праздник дома. Не удивляйтесь тому, добрые мои благодетели, я как стал помнить себя, не разделял сего радостного дня с православными.

Марья Петровна, обласкав меня, обещала не оставить меня своим покровительством. Федор Федоровича не застал дома, оставил письмо.

Пожелать Вашему Превосходительству доброго здоровья.

Пребуду навсегда покорной Вашему Превосходительству, ко услугам Вашем П. Захаров.

Позвольте Вас просить, Анна Григорьевна, если увидте Лизавету Волерянову Воейкову, скажите ей, что портрет пришлю не раньше 1 мая, потому что нужно было составлять рисунок для рамы.

Са[нкт] Петербург. 1840. Апреля 11.

Адрес мой: на Васильевском острове в 7-й Линии на Большом проспекте в доме Герасимова в квартире Эйхорна».[21]

Вначале о Марии Петровне, что упоминается в письме.

[21] РГАДА. Ф. 1406 (Ермоловы). Оп. 1. Д. 627. Л.4-5 (Подлинник).

Княгиня М.П. Кикина-Волконская – дочь того самого П.А. Кикина, что так много помогал и обещал помогать П. Захарову. Видимо, как бы продолжая семейные традиции, княгиня ходатайствует за Захарова. А речь идет об его отправке за границу, о чем он так мечтал. Но вот приводим официальный документ:

«№ июля 1840 г.

Свидетельство

От Императорской Академии художеств художникам 14 класса Николаю Бенуа, Михаилу Шурупову, Сократу Воробьеву, Ивану Гайвазовскому и Василию Штенбергу в том, что они, во исполнение Высочайшего Его Императорского Величества повеления, ныне отправляются за границу для дальнейшего усовершенствования в художествах пенсионерами Академии. Во уверение чего и дано сие свидетельство от Академии с приложением меньшей печати ее.

Конференц-секретарь Григорович».[22]

Николай Бенуа (1813-1898) – сын известного архитектора, профессора Академии Монти Бенуа.

Михаил Шурупов (1815-1901) – тоже сын архитектора, племянник ректора Шебуева, уже с 1838 г. жил в Италии на общих основаниях как дворянин и свободный художник, а отныне будет как пенсионер Академии еще и господдержку получать.

Сократ Воробьев (1818-1888) – тоже сын профессора Академии Максима Воробьева.

Василий Штернберг (1818-1845) – сын богатого вельможи, горного инженера и чиновника.

Про обеспеченных и многочисленных родственников и покровителей Айвазовского лишний раз писать не будем.

А кто такой Захаров? Как определил Шеншин: «Без состояния и протекции». От себя добавлю: «Без родных и близких». И за спиной его говорят: «Ваша бывшая собственность». При этом в детстве крещен, а тут потрясающее признание: «Я как стал помнить себя, не разделял сего радостного дня с православными».

А ведь в России того времени, впрочем, как и всегда, вся переписка, тем более «из чеченцев» – всегда будет под надзором. И самого П.Н. Ермолова это признание может поставить в очень затруднительное положение: как он, генерал, воспитал такого? А ведь Захарова еще и обучили в лучшем вузе империи, и звание «свободный» вроде дали. А теперь он Европой и Италией грезит, и даже общается с такими же, кто в Европе уже пожил и обратно туда же уехать мечтает.

Нет! Такого надо проучить, и Захарова за какой-то незначительный поступок жестоко накажут. Как известно, в какой-то мере пострадает и воспитатель Захарова П.Н. Ермолов – его срочно отзовут из Германии, куда он, скрытно от Захарова, выехал на очень долгий срок, вроде как для лечения. Захарова наказали. Могли бы наказать еще строже, отправить солдатом в Грозный как Павла Захарова. Однако за него заступились профессора Академии художеств, и к тому же, придворному генерал-адъютанту П.А. Клейнмихелю в тот момент нужен был под рукой хороший художник и в результате всех этих перипетий появляется Приказ «С Высочайшего разрешения» (Рис. 1) [2].

[22] РГИА. Ф. 789. Оп. 1. ч.2. Д. 2472. Л.25.

Не все, да кое-что по этой ситуации разъясняет следующее письмо:

«Христос Воскресе

Ваше Превосходительство Добрые мои Благодеиели Петр Николаевич и Анна Григорьевна.

Желаю Вам равно и Вашим милым детям от Бога всего, что только может даровать Творец Всевышний в утешение дней Ваших.

Не стану наскучать обычными фразами в опровдание себе, много виноват перед Вами, я чувствою вполне нечем не загадимой проступок. Скажу Вам здоровье мое благодаря Бога лутче и поправляитса приментал от тихой и домоседной жизни. Я уже не свободной художник, а служащий в Депортаменте военных поселений, конечно Вы захотите знать что ето все значит. Потеряв здоровье и притом надежды быть отправленным заграницу я покорной судьбе решилса избрать хоть немного, но верной кусок хлеба не думоте что находясь под начальством графа Кленмихеля я отклонилса от нача нет Дорой мой Благодетель я тоже рисую конечно не портреты, а форму салдатов какие были от царствования Петра Перьваго до наших времен. Жалованья получаю полторы тысячи и при удачном исполнении колекции государь Император жалует наградой и теперь после 4 месе службы было претстовление в Светлой день графом колекцыи я видел на своих рисунках собственноручную надпись «харашо», теперь в ожидание милостей императора. Кажетса не худа зделол что служу занимаюсь дома естли по нездаровитса то возмут и принисут дела, для портретов или протикулярного дела время многа а там погодим у моря да подождем погоды; как укрепитса мое здоровье то начну что-нибудь писать для...[так в тексте]

Прощайте Добрые мои Благоде ради Бога не сердитесь за мой праступок многа премнога виноват.

С почтением пребуду навсегда гатовой ко услугам П. Захаров

1841, апреля

Не откажите написать как Ваша здоровье. Адрес мой: на В. о. в 5 лин. на углу набережной против Академии художеств в доме Лоде, в той самой квартире, из которой уехал к Вам в Москву. Я и теперь ласкаю себя надеждой может быть Бог приведет опять приехать к Вам, конечно, послужа немнога». [23]

Как видим, Захаров уже не свободный художник, а подневольный человек. Он тяжело болен (чахотка (туберкулез)), получает гроши и рисует теперь не портреты выдающихся людей, а военные формы…

Это письмо написано Захаровым в апреле 1841 года. В это самое время М.Ю. Лермонтов вынужден покинуть столицу и отправиться на Кавказ, где он вскоре будет убит на дуэли. А в последние дни пребывания в Петербурге поэт пишет стихотворение «Пророк», где следующие слова словно написаны про Захарова, ведь они были близко знакомы:

Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами.

[23] РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 627. Л.16-17 об (подлинник).

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!

Служба в департаменте военных поселений – это почти что приговор, и в следующем письме Захаров напишет, что его новый начальник «весьма мелочный человек, как Висковатов», заставляет его целыми днями работать в невыносимых условиях, а он ведь тяжело болен.

Это письмо Захарова П.Н. Ермолову от 9 января 1842 года самое объемное, очень содержательное и в нем Захаров пишет про себя: «Так пришлось быть и волку в овечьей шкуре». [24]

Значит кто-то сказал, что, мол сколько волка не корми, а он в лес смотрит.

Углубляться в содержание этого письма мы здесь более не будем, а вот к предыдущему от апреля 1841 года, вернуться стоит. И там есть такое предложение: « …не думайте, что находясь под начальством графа Кленмихеля я отклонился от нача, нет Дорой мой Благодетель…» Следует отметить, что в письмах Захарова, когда он был не в настроении, очень много всевозможных ошибок, и в этом письме их много. И он знает, что его письма проверяются и поэтому как он грамотно выводит «графа Кленмихеля», а вот далее «я отклонился от нача…» – эту мысль он обрывает.

[24] РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 627. Л.18-19 об (подлинник).

ПРИКАЗЪ
по
ДЕПАРТАМЕНТУ
ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЕНІЙ
ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА.

Санктпетербургъ. Декабря 20 дня 1840 года.

№ 189.

Съ Высочайшаго разрѣшенія, свободный не классный Художникъ Петръ Захаровъ, опредѣлившійся въ Департаментъ Военныхъ Поселеній, для успѣшія занятій по составленію рисунковъ обмундированія и вооруженія Россійскихъ войскъ, съ жалованьемъ по 428 руб. 57½ коп. серебромъ въ годъ, изъ остатка смѣтныхъ суммъ Военнаго Поселенія, которое и производить ему съ 16-го минувшаго Ноября, т. е. со времени занятія его уже по сей части.

Подписалъ:

Генералъ-Адъютантъ Графъ Клейнмихель.

Рис. 1. Копия приказа №189 по Департаменту военных поселений [2, с. 317]

Однако, кажется, что он утверждает, что он не откажется от своего «начала», от своих корней и будет бороться до конца. И здесь, по всей видимости, коллеги Захарова из Академии художеств пришли ему на помощь. Объявлен императорский конкурс на звание Академика живописи «Портрет генерала А.П. Ермолова». По условию конкурса любой художник имеет право участвовать в задании Академии. Однако, А.П. Ермолову уже 66 лет, он болен, постарел, обрюзг, и не каждому желающему он будет позировать. И вот по просьбе двоюродного брата Петра Николаевича А.П. Ермолов дает согласие «поработать» с Петрушей.

Весь свой талант, труд и здоровье П. Захаров вложил на участие в этом конкурсе, и вот его письмо в Совет Императорской Академии Художеств (Рис. 2) [2]:

«№ 1091 [вх. №]
3 Сентября 1843 года
В Совет Императорской
Академии Художеств
От свободного художника Петра
Захарова сына Захарова
Донесение.
Исполнив ныне программу, заданную мне, определением Совета Императорской

Академии художеств, прошлого 1942 год – февраля 20 дня, на получение звания Академика, портрет Генерала от Артиллерии Алексея Петровича Ермолова; я отправил его из Москвы чрез посредство приложив при сем и квитанцию, выданную мне конторою Транспортов в получении его портрета. Вместе с тем всепокорнейшее прошу Совет не дозволять никому из художников делать копий или литографии с означенного портрета Генерала Ермолова.

Свободный художник П. Захаров
Августа 25го дня1843 года
Г.Москва
Жительство имею в Г.
Москве, – близ Тверской в
Чернышевском переулке
В доме Генерала Майора Ермолова №236».[25]

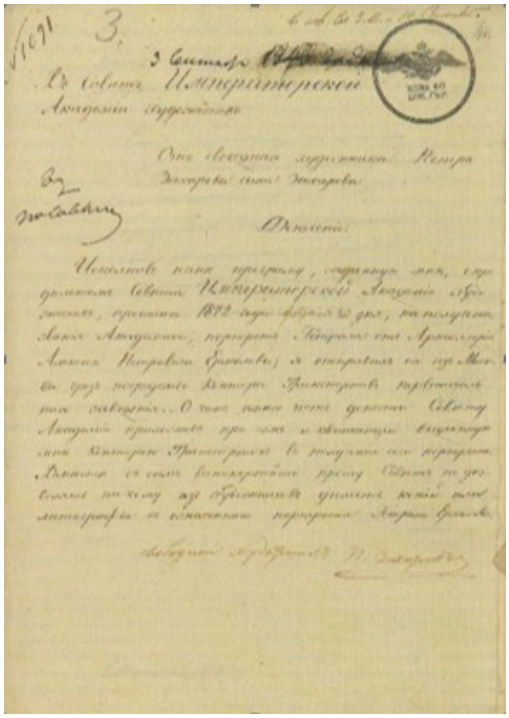

Рис. 2. Копия письма П. Захарова в Совет Императорской Академии Художеств [2, с. 376].

В этом донесении Петр Захаров дважды утверждает, что он – «свободный художник», что он отстоял это право и ему еще не присвоили звание Академика, да, он знает, что сотворил и поэтому заранее просит не позволять делать копий и литографий с означенного портрета генерала Ермолова.

Копии и литографии будут делать, потому что работа – достойная, и сегодня, когда Русский музей готовит зарубежную экспозицию – под номером один всегда этот захаровский шедевр.

[25] РГИА. Ф. 789. Оп. 1.часть 2. Ед. хр. 2727. «Дело об удостоении разных лиц академическими званиями назначенного академика и профессора». 14 января - 11декабря 1843. Л.40.

В свое время Захаров был очень востребованным художником. Он писал портреты выдающихся людей – это поэты, писатели, военные, ученые, врачи.

В музее Пушкина (г. Москва) хранится портрет первой красавицы того времени А.В. Алябьевой кисти Захарова, которой посвятили стихи Пушкин, Лермонтов, Языков, Жуковский. Писал ли ее портрет кто из иностранных или русских художников – неизвестно. По крайней мере, ничего не сохранилось. Но она согласилась позировать Захарову, захотела, чтобы ее, известную красавицу, навеки запечатлел именно такой мастер. А ведь не перед каждым художником приятно сидеть в одной позе часами, тем более такой избалованной даме как Алябьева» [2, с. 402].

Однако есть даже более значимые критерии мастерства художника. В том же Государственном музее Пушкина есть «Портрет княгини Ольги Николаевны Вюртембергской» – дочери императора Николая I. Кстати, Ольга Николаевна была и писателем-мемуаристом, и просила, чтобы на издании ее книги был лишь один портрет – работа кисти Петра Захарова. Хотя, как известно, сохранилось много портретов княгини кисти европейских художников.

Признанная в мире искусствовед Н.М. Молева утверждает, что Захаров «написал герцога Лейхтенбергского и его супругу, любимую дочь Николая I, президента Академии художеств Марию Николаевну» [6].

Портрет ректора Академии художеств герцога Лейхтенбергского кисти Захарова хранился в Музее изобразительных искусств имени Петра Захарова в городе Грозный, пропал во время боевых действий в 1995 году. А вот портрет Великой княгини не обнаружен, хотя, как парный, он должен был быть.

Каким бы мастерством, какими бы званиями не обладал П. Захаров, а отношение к нему, в целом, было неоднозначным. Так в письме А. Герцена издателю А.А. Краевскому есть такой абзац*:*

«*…Да вот еще просьба. Не знакомы ли вы или Панаев с гр. Толстым, который в Академии? Нельзя ли ему сказать, чтоб посоветовал Захарову, писавшему пор<трет> Грановского, быть поосторожнее? Он написал ко мне грубое письмо, требует 500 руб. (т.е. ровно 1000 лишнюю) и грозится продать; да что же Гранов<ский> – натурщик, что ли? Он, т.е. Захаров, Черкес и, верно, заодно с Шамилем.*

Жду теперь Анненкова портрет и собираюсь тогда писать ко всем знакомым.

Курс Гранов<ского> начинается в будущ<ую> среду; везде толки, крики pro и contra – партия «Рубашка сверх порток» приумолкла, Шевыр выжил из ума, а Погодин – из тела.

Прощайте. Не забудьте выслать статью или велеть напечатать ее.

Весь Ваш А. Герцен» [7].

Вот в таких условиях жил Захаров, таким было отношение к нему разных персон. При этом заметим, что А. Герцен – это самый передовой человек того времени – демократ, писатель, философ. А упоминаемый Грановский – известный профессор Московского университета и помимо упомянутого парадного портрета, которым гордится Государственная Третьяковская галерея, есть еще прекрасный карандашный портрет Т.Н. Грановского в Государственном литературном музее Москвы.

Кстати, сохранился отчет Герцена за январь месяц 1846 года, в котором указывается,

что он на всякие нужды потратил 7 тыс. рублей, в том числе 1000 рублей за портрет Грановского.

Вроде бы найден компромисс – много ли это или мало за труд художника?!

Для сравнения. В тот период в России работал французский художник Орас Верне и вот строки из его письма: «Князь Воронцов просит о портрете его жены, как у княгини Виттеенштейна, цена – 25 тысяч – игра стоит свеч» [8].

А вот другой пример – за живописный портрет графа Д.Н. Шереметева художник О.А. Кипренский получил 15 тыс. рублей» [9].

Письмо Герцена Краевскому – одно из последних прижизненных письменных источников, где упоминается Петр Захаров. После этого в середине января 1846 года в «Метрической книге» сохранена запись, что П. Захаров женился на Александре Постниковой[26], а уже 13 июня она умерла от чахотки, о чем явствует погребальная запись на Ваганьковском кладбище. [27]

А вот в «Отчете Императорской Академии художеств за истекший 1845-1846 академический год» конференц-секретарь В.И. Григорович на общем собрании Академии 29 сентября 1846 года сообщал: «…В истекшем году скончались: профессор Гайдон, ректор Академии Денут-Малиновский и академики: Михаил Шамшин, Захаров и Кухаревский. Захаров, чечен по происхождению, известен как отличившийся и необыкновенно обещавший в сем же роде живописи». [28]

Как видим, в некрологе Отчета Академии только Захаров удостаивается чести лаконичных, но очень емких комментариев – подчеркивается талант и сожаление о потере такого художника.

После кончины Захарова, в XIX веке, его имя не очень часто, но порою упоминалось в разных источниках. Одно из них – высказывание известного педагога А.Д. Чалахова – лично мне весьма приятно, ибо в Захарове увидели не только художника, но и поэта: «Случалось мне зайти к батюшке и матушке. Глаза мои падают на знакомый тебе портрет девушки с опущенными взорами и с кольцом в руке – и я не могу отвести глаз от этого образа ангельской красоты и миловидности, и очень ясно понимаю, что Захаров был не только живописец, но и поэт, не только поэт, но и влюбленный в Глашу…» [10].

Явное оживление вокруг имени Петра Захарова наблюдается во второй половине XX века. В 1958 году в периодической печати Чечено-Ингушетии появляется ряд статей Ибриева С.-Э.С., а после этого, в начале 1960-ых годов выходит монография и кандидатская диссертация Шабаньянца Н.Ш. и, наконец, в 1976 году в Чечено-Ингушском госуниверситете проходит Всесоюзная научная конференция «Академик живописи П.З. Захаров», приуроченная 160-летнему юбилею художника.

Этот интерес к художнику в тот период, в первую очередь, связан с тем, что чеченскому народу после возвращения из ссылки в Среднюю Азию и Казахстан, необходима была национально-культурная идентификация и реабилитация. Казалось бы, что после диссертационных исследований Н. Шабаньянца и позже Т. Мазаевой, тема

[26] РГИА. Ф. 203. Оп. 745. Д. 414. часть 2. Л. 22-23.
[27] Там же. Л. 35-36.
[28] Государственная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Изоотдел. «Отчет ИАХ за 1845-46 год».

художника П.З. Захарова полностью исчерпана и белых пятен вокруг его имени нет. Однако, все оказалось совсем иначе: на стыке XX и XXI веков, после распада Советского Союза, обнажились многие стороны совместного сосуществования народов новой России. В этом контексте жизнь, судьба и творчество Петра Захарова стали как разгадка и решение, и образец многих и многих проблем – гуманитарного, политического, исторического и даже эстетического характера. Поэтому, как бы спонтанно, в российской научной литературе появляется огромное количество трудов, связанных с именем П.З. Захарова-Чеченца. Всех авторов и не перечислить, но назовем имена авторов наиболее значимых работ – Молевой Н.М., Крапивницкой Г.Д., Шахбиевой М.Х., Ибриева М.-Э.С.-Э, Маркелова Н., Шинкаренко И., Бойко С.А. и др.

Конечно, не надо думать, что все упоминания, связанные с именем Захарова-Чеченца написаны в восторженных тонах. Отнюдь. И сегодня, как и двести лет назад, некоторые картины Захарова, даже те, что были подписаны и веками именовались «кистью Захарова», периодически подвергаются ревизии, переатрибуции, сомнениям. В этом плане необходимо, в первую очередь, отметить работы Пахомова Н.П., Кочневой Е.В. или Перевезенцевой Н.А.

Даже краткий обзор публикаций о Захарове показывает, что со временем, а прошло более двух веков, интерес к художнику не ослабевает, а, наоборот, возрастает все больше и больше. Хотя Петр Захаров прожил всего тридцать лет, и как в то время написал М.Ю. Лермонтов, точь-в-точь о Захарове:

…Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».

«В одиночку и в одиночестве он выстоял, встал во весь рост, победил. И главное ведь не в его живописном гении, а в том, что с помощью этого мастерства он смог донести до потомков свою историю, свою судьбу, судьбу своего народа и родного аула» [2, с.469].

Сегодня, да и во все времена, именно в таких стойких личностях нуждается общество, страна, да и все человечество. Именно поэтому даже в XXI веке выдающийся советский, российский ученый, академик РАН, специалист по языкам, символам и знакам, Ю.С. Степанов во всем многообразии человеческих образов в отечественной истории, обратил внимание именно и только на Захарова, на его «Юношеский автопортрет» (Рис.3) [2].

«В портрете Захарова, – пишет Ю.С. Степанов, – нет умиления, здесь есть независимость и величие национального, то есть чеченского духа! Этот портрет – гимн непокорности человеческого духа вообще.

Юношеский автопортрет
1833-1834. Холст, масло. 64х52,5
Подпись: Захаровъ-Чеченецъ
Тамбовская областная картинная галерея

Рис. 3. Юношеский автопортрет. 1883-1834. Холст, масло. 64х52,5
Подпись: Захаровъ-Чеченецъ
Тамбовская областная картинная галерея [2, с. 120].

И это в ту пору, в пору автопортрета Захарова, не выразил в русской живописи никто – никто из школы Брюллова и, тем более, никто из школы Венецианова (к которой – вопреки всему зримому – причисляют Захарова-Чеченца). Он остался навек в русском искусстве, конечно, не этнический тип, а «дух облика» [11].

Вот это оценка! Выдержавшая века. И через века… Впрочем, для научного сравнительного анализа можно упомянуть еще одного ребенка, оставшегося в живых после разгрома Дада-Юрта, – это Акбулат Розен (1817-1865). Судя по всему, Акбулат был старше Петра Захарова, ибо помнил свое имя. И воспитатель барон Розен дал сыну свою известную фамилию. И, как Захарову, судьба преподнесла Акбулату природный дар – он писал стихи и не плохие.

В дневнике Петра Николаевича Ермолова есть запись, что в гости приходил барон Розен, а с ним молодой поэт-чеченец.

К тому же известно, что и Петр Захаров, и Розен служили в одно и то же время в Департаменте военных поселений. Понятно, что они были знакомы, встречались, одного рода, одной судьбы, из одного села. Прожил Акбулат Розен гораздо больше, чем Петр Захаров, а вот как ни старались, обнаружить его портрет так и не удалось.

Почему? Ведь рядом был Захаров.

Ответ очевиден. Захаров подписывался – Чеченец из Дада-Юрта. А вот Акбулат Розен ни в одном стихотворении не упомянул ни Дада-Юрт, ни Кавказ, ни Чечню и то, что он – чеченец.

У кого нет корней – нет будущего. А Захаров – Чеченец из Дада-Юрта – сохранил

свои корни, свой дух и увековечил их.

Вот почему до сих пор вспоминают Петра Захарова – славный мальчик, прекрасный художник, замечательный, независимый, свободолюбивый человек – бунтарь!

ЛИТЕРАТУРА

1. Потто, В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе /В.А. Потто. Тифлис: Типография Я.И. Либермана, 1901-1908.
2. Ибрагимов, К.Х. Академик Пётр Захаров / К.Х. Ибрагимов. М.: Литера, 2019. 591 с.
3. Зотов, А.И. Александр Иванов. Русское искусство / А.И. Зотов. М., 1954.703 с.
4. Дневник художника А.Н. Мокрицкого. – М.: Изобразительное искусство, 1975. 322 с.
5. Каменская, М.Ф. Воспоминания / М.Ф. Каменская. М.: Художественная литература, 1982. 386 с.
6. Молева, Н.М. Кто ты, Мцыри? / Н. Молева. М., 2003. №2. С. 215-220.
7. Герцен, А.И. Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1954-1966. Т. 22. (Письмо А.А. Краевскому от 27 ноября 1845 г.). 548 с.
8. Орас Верне. При дворе Николая I. Письма из Петербурга 1842-43 гг. / В. Орас. – М.: РОССПЭН, 2008. 173 с.
9. Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников первой половины XIX века. М.: Искусство, 1954. 742 с.
10. Шабаньянц, Н.Ш. О поисках и надеждах / Н.Ш. Шабаньянц // Материалы Всесоюзной научной конференции «Академик живописи П.З. Захаров». Грозный. 1976. С. 11-18.
11. Степанов, Ю.С. Протей: Очерки хаотической эволюции / Ю.С. Степанов // – М.: Языки славянской культуры. 2004. 264 с.

REFERENCES

1. Potto V.A. The Establishment of Russian Rule in the Caucasus. Tiflis, 1901-1904.
2. Ibragimov K.Kh. Academician Pyotr Zakharov. Moscow: Litera, 2019. 591 p.
3. Zotov, A.I. Alexander Ivanov. Russian Art. Moscow: 1954. 703 p.
4. The Diary of the Artist A.N. Mokritsky. Moscow: Fine Arts, 1975. 322 p.
5. Kamenskaya M. F. Memories. M.: Fiction, 1982. 386 p.
6. Moleva. N.M. "Who are you, novice?". M., 2003, pp.215-220.
7. Herzen, A.I. Collected Works. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1954-1966. Vol. 22. (Letter to A.A. Kraevsky dated November 27, 1845). 548 p.
8. Horace Verne. At the Court of Nicholas I. Letters from St. Petersburg, 1842-43. Moscow: ROSSPEN, 2008, 173 p.
9. Russian Art. Essays on the Life and Work of Artists of the First Half of the 19th Century. Moscow: Iskusstvo, 1954. 742 p.
10. Shabanyants N.Sh. About the search and hopes // Materials of the All-Union scientific conference "Academician of painting P.Z. Zakharov" Grozny. 1976. Pp. 11-18.
11. Stepanov Yu.S. Proteus: Essays on Chaotic Evolution. Moscow: Languages of Slavic Culture. 2004. 264 p.